

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.6>

UDC 327(574)

LBC 66.4(5Каз),03

Submitted: 28.09.2024

Accepted: 18.01.2025

KAZAKHSTAN'S MULTI-VECTOR GEOPOLITICS IN THE CONTEXT OF A GLOBAL HYBRID WAR

Igor P. Ivanov

Kazy Dikambayev Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic,
Bishkek, Kyrgyz Republic

Svetlana Yu. Petrenko

Academy of Quantum Psychotechnologies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* This article examines the issues of Kazakhstan's multi-vector foreign policy in the context of a global hybrid war, which is deployed and implemented through various methods of political-diplomatic, financial-economic, information-psychological, and information-technical pressure on the country from such superpowers as the USA, Russia, and China. The peculiarity of such a hybrid war is that all countries are involved in it through their inclusion in the global information space. Kazakhstan has been in such a difficult situation since February 24, 2022, to the present. Prompt response to external threats will allow Kazakhstan to build a proactive foreign policy. *Methods and materials.* The authors conducted a systematic analysis of three dominant vectors of Kazakhstan's foreign policy in the context of a global hybrid war based on the concept of Kazakhstan's foreign policy outlined by Zh.-K. Tokayev and official documents of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan published after February 24, 2022. *Analysis and results.* In this article, three dominant vectors in Kazakhstan's foreign policy were chosen as the main focus for the study: 1) Western (USA, Western countries, EU); 2) Russian (Russian Federation); 3) Chinese. Based on the main provisions of the concept of balance of power and the presence of international organizations and alliances reflecting the interests of all actors in the system of international relations, priority partners in Kazakhstan's foreign policy were identified: the USA, EU countries, Russia, and China, and their spheres of influence and interests were highlighted. A comprehensive assessment of the implementation of the multi-vector course of Kazakhstan's foreign policy confirmed that in the context of global destabilization, this is the only acceptable strategy of the country's foreign policy, ensuring its sovereignty. *Authors' contribution.* The research of methodology development, source selection, and collection of empirical data were carried out by S. Yu. Petrenko. The analysis of Kazakhstan's foreign policy across its main foreign policy vectors, as well as the preparation of analytical conclusions, was conducted by I.P. Ivanov.

Key words: Kazakhstan's multi-vector foreign policy, global hybrid war, China, Russia, USA.

Citation. Ivanov I.P., Petrenko S. Yu. Kazakhstan's Multi-Vector Geopolitics in the Context of a Global Hybrid War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 2, pp. 62-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.6>

УДК 327(574)

ББК 66.4(5Каз),03

Дата поступления статьи: 28.09.2024

Дата принятия статьи: 18.01.2025

МНОГОВЕКТОРНАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Игорь Павлович Иванов

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Светлана Юрьевна Петренко

Академия квантовых психотехнологий, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье проводится системный анализ многовекторной внешней политики Казахстана в условиях глобальной гибридной войны, которая развернута и реализуется через различные методы политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления на страну со стороны таких супердержав, как США, Россия и Китай. Особенностью такой гибридной войны является то, что все страны втянуты в нее посредством включения в глобальное информационное пространство. В такой сложной ситуации находится и Казахстан с 24 февраля 2022 г. по настоящее время. Оперативное реагирование на внешние угрозы позволит Казахстану выстроить проактивную внешнюю политику. *Методы и материалы.* Авторами проведен системный анализ трех доминирующих векторов внешней политики РК в условиях глобальной гибридной войны по концепции внешней политики РК, изложенной Ж.-К. Токаевым, и официальным документам министерства иностранных дел РК, опубликованным после 24 февраля 2022 года. *Анализ и результаты.* В данной статье основным фокусом для исследования были выбраны три доминирующих вектора во внешней политике Казахстана: 1) западный (США, западные страны, ЕС); 2) российский (Российская Федерация и другие страны СНГ); 3) китайский (КНР). Опираясь на основные положения концепции баланса сил и наличия международных организаций и альянсов, отражающих интересы всех акторов системы международных отношений, были определены приоритетные партнеры во внешней политике Казахстана: США, страны ЕС, Россия и Китай, выделены сферы их влияния и интересов. Комплексная оценка реализации многовекторного курса внешней политики Казахстана подтвердила то, что в условиях глобальной дестабилизации это единственно приемлемая стратегия внешнеполитического курса страны, обеспечивающая ей суверенитет. *Вклад авторов.* Разработка методологии исследования, подбор источников и сбор эмпирического материала осуществлены С.Ю. Петренко. Анализ внешней политики Казахстана по основным внешнеполитическим векторам, а также подготовка аналитических выводов выполнены И.П. Ивановым.

Ключевые слова: многовекторная внешняя политика Казахстана, глобальная гибридная война, Китай, Россия, США.

Цитирование. Иванов И. П., Петренко С. Ю. Многовекторная геополитика Казахстана в условиях глобальной гибридной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 2. – С. 62–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.2.6>

Введение. Внешнеполитический курс страны вырабатывается исходя из имеющихся ресурсов, необходимости их защищать и преумножать. Поэтому еще на заре независимости была выбрана многовекторность внешней политики Казахстана, которая позволяла выстраивать сотрудничество с разными акторами мирового политического процесса. Рустем Курмангужин отмечает, что «...сама многовекторность казахстанской внешней политики была, как известно, предопределена современным геополитическим окружением независимого Казахстана. Однако специалистам приходилось также учитывать и исторический опыт событий, связанных в том числе с периодом правления казахских ханов» [6, с. 50].

Таким образом, основным фокусом для исследования были выбраны три традиционно доминирующих вектора во внешней политике Казахстана:

– западный (США, западные страны, ЕС);

– российский (Российская Федерация);
– китайский (КНР).

Глобальные игроки, находящиеся в состоянии гибридной войны друг с другом, усиливают давление на Казахстан. Западные страны стремятся усложнить взаимодействие Казахстана с Россией и Китаем, угрожая в том числе и санкциями. Китай и Россия в свою очередь стремятся усилить влияние на Казахстан. На этом фоне Астана всеми силами стремится сохранить статус влиятельного регионального игрока, равноудаленного от кризисов и конфликтов. 8 августа 2024 г. Касым-Жомарт Токаев опубликовал статью «Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию» (см.: Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию // Казахстанская правда. 2024. 8 авг. URL: <https://kazpravda.kz/n/renessans-tsentrалnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-protsvetaniyu/>), в

которой отметил перспективы региона к интеграции (далее по тексту – Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии...). Была высказана идея к усилению сотрудничества стран региона друг с другом. Президент Казахстана отметил: «Вектор развития Центральной Азии – приверженность традиционным ценностям вкупе со стремлением к модернизации и передовым знаниям. Это делает наш регион самодостаточным и влиятельным участником обновляющейся международной системы. Сегодня мы нацелены на укрепление своей роли как евразийского эпицентра международных геополитических и геоэкономических преобразований» (см.: Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии...). Очевидно, что инициативы по объединению усилий с южными соседями должны позволить Казахстану усилить свои переговорные позиции с ключевыми международными партнерами. Исходя из этой проблематики возникает вопрос: сохранит ли Казахстан многовекторную политику в условиях глобальной гибридной войны?

Методы и материалы. В работе использованы системный анализ трех главных векторов внешней политики РК и основные положения теории реализма в международных отношениях, в частности, два инструмента, которые были предложены Гансом Моргентау, и могут обеспечить глобальную стабильность и снизить уровень насилия в международном сообществе. Первым является концепция баланса сил, второй – наличие международных организаций и альянсов, отражающих интересы всех акторов системы международных отношений [17]. А также концепция гибридной войны, предложенная Мартином Либицки, который является одним из разработчиков способов применения информационных технологий в системе национальной безопасности США [11].

1. *Теория реализма* используется для объяснения внешнеполитических решений Казахстана с точки зрения национальных интересов, силы и выживания государства в условиях глобальной неопределенности. Согласно Моргентау государства действуют в международных отношениях исходя из принципа баланса сил и рационального выбора. Этот подход помогает проанализировать, как Казахстан адаптируется к вызовам гибридной

войны, распределяя свои ресурсы и выстраивая дипломатические стратегии.

2. *Концепция гибридной войны* (М. Либицки) применяется для объяснения изменяющихся условий международного взаимодействия, в которых традиционные и нетрадиционные формы конфликта (экономическое давление, кибератаки, информационные войны) воздействуют на политику стран. Это позволяет рассмотреть, как Казахстан отвечает на вызовы гибридной войны, сохраняя многовекторность своей внешней политики.

Применение этих инструментов на практике позволяет дать объективную оценку сложившегося баланса сил и разглядеть потенциальные угрозы для Казахстана в реализации внешнеполитического курса страны. Данный теоретический подход дает возможность сфокусироваться на определении влияния контекста гибридной войны на внешнюю политику Казахстана и благодаря этому определить изменения по отдельно взятым направлениям (векторам). В нашем случае рассматриваются западный, российский и китайский векторы. В результате этих подходов и системного анализа было выявлено ключевое преимущество многовекторной политики Казахстана, проявившееся в условиях современной гибридной войны. В итоге заполняется пробел в академическом дискурсе о влиянии гибридной войны на внешнюю политику Республики Казахстан.

Внешняя политика Казахстана на современном этапе является предметом исследования известных казахстанских экспертов по международным отношениям. Среди них следует выделить труды ведущих специалистов в области внешней политики Казахстана, внесших значительный вклад в развитие академического дискурса, посвященного анализу внешней политики Республики Казахстан: М.Т. Ламулина [10], Б.К. Султанова [21–23], Р. Курмангузина [6] и Е.В. Тукумова [26].

Среди российских ученых, исследовавших многовекторную политику Казахстана на современном этапе, следует отметить работы прикладного характера М.Ю. Кучерова, И.В. Вохминцева, И.Д. Кравчука, в которых изучаются внешнеполитические предпочтения Казахстана с 2022 г. с помощью контент-анализа и других методов [7].

Среди западных исследователей, занимающихся регионом Центральной Азии, и, в частности, многовекторной политикой Казахстана, можно назвать следующих авторов: профессор Оклахомского государственного исследовательского университета Руэл Р. Хэнкс [4], Юсуф Неби Бастас (Норвегия) [1], директор Института Центральной Азии и Кавказа С. Фредерик Старр [20], но в их работах обозначаются лишь основные направления внешней политики РК, отсутствует анализ каждого вектора.

Материалами, на которых основывается исследование, являются академические публикации, аналитические материалы, официальные документы и статистические данные по вопросам внешней политики, геополитики и региональной безопасности. Используются положения внешней политики Республики Казахстан, изложенные Президентом РК К.-Ж. Токаевым, а также официальные документы Министерства иностранных дел РК, опубликованные после 24 февраля 2022 г. [26]. Кроме того, используются материалы официальных интернет-ресурсов государственных органов Республики Казахстан, Китая и международных аналитических платформ [14–16].

Анализ. Контекст гибридной войны.

На современном этапе вся система международных отношений посредством глобальной гибридной войны превращается в сложную многополярную хрупкую динамическую систему, которая порождает неопределенное количество «черных лебедей» (в терминологии выдающегося философа современности Нассима Талеба), труднопрогнозируемых социально-политических и экономических катастроф [24]. Считается, что термин «гибридная война» (англ. *hybrid warfare*) появился в США в конце 1990-х гг. и в современной науке нет единого мнения о сущности гибридной войны. Таким образом, создается объективный фон для многовекторной внешней политики современного Казахстана.

В данной статье под гибридной войной понимается вся совокупность методов политико-дипломатического, финансового-экономического, информационно-психологического и информационно-технического давления, осуществляемых по единому плану высшими

органами управления одного государства в отношении страны-мишени [2].

Еще в 2001 г. в своей статье Мартин Либицки (Martin C. Libicki) писал: «Если информационные технологии полностью преобразили гражданский мир, не должно ли их влияние в военной сфере быть столь же глубоким? Однако принесет ли это пользу или нет, может зависеть от того, кто первым распознает и использует новый потенциал» [11].

Важной частью этого фона является обострение отношений стран Запада с Китаем и попытки США организовывать скоординированные меры воздействия на Пекин (см.: Токаев К.-Ж. *Ренессанс Центральной Азии...*). Наряду с привычными информационными атаками на Китай страны Запада используют экономические ограничения и усиление военно-стратегического давления посредством создания новых военных альянсов (AUKUS) и расширения функционала старых (NATO). В сентябре 2023 г. состоялся визит министра иностранных дел Китая в Москву, где он провел ряд встреч. Секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев и глава МИД Китая Ван И отметили, что «...создание США блоков и разделительных линий в АТР и усиление присутствия НАТО в Тихом океане подрывает безопасность в регионе» [18].

Формат AUKUS является своего рода продолжением формата НАТО для контроля военно-силового пространства Тихого океана. Дмитрий Мосяков в одной из своих работ пишет: «Многие аналитики сразу же отметили еще одну особенность AUKUS – отличие от CEATO¹ и АНЗЮК². Дело в том, что ни одна страна, собственно, из региона Большой Восточной Азии не захотела и не стала принимать в этом блоке участие. Получился чисто западный, а точнее англосаксонский военно-политический союз, который намерен самым активным образом действовать в Азии исходя при этом якобы из интересов государств Азии» [15].

Усиление геостратегического противостояния приводит к важным «тектоническим сдвигам» в глобальном балансе сил, которые ставят под сомнение устоявшуюся с начала 1990-х гг. систему международных отношений. Необходимо обратить внимание на возросшую роль в международных отношениях формата БРИКС, который противопоставля-

ется более привычному формату G7, а также возрастание роли стран глобального Юга.

На прошедшем в 2023 г. саммите G20 страны Запада продемонстрировали решимость развивать торговое сотрудничество со странами Юга и построить новый торговый коридор, который позволит соединить Индию с Европой, несмотря на предстоящие финансовые затраты. «Экономический коридор Индия – Ближний Восток – Европа (ИМЕС), продвигаемый как многонациональный железнодорожный и морской проект, который соединит Индо-Тихоокеанский регион с Ближним Востоком и Европой, ставится под сомнение из-за его стоимости и того, что он состоит из сухопутного и морского участков» [3].

Западный вектор внешней политики Казахстана. 2022 г. стал новой точкой отсчета в противостоянии между условным российско-китайским альянсом и странами Запада. Зоны столкновения этого конфликта, которые можно обозначить как линию боевого соприкосновения, разбросаны по всему миру. В местах этих столкновений бои переходят из плоскости торговых войн в горячую фазу народных протестов, для подавления которых власти применяют силовой ресурс. Кроме того, происходят военные действия в рамках гражданских войн и открытых межгосударственных вооруженных конфликтов. С учетом опыта январских событий 2022 г. руководство Казахстана должно сделать все возможное для того, чтобы не превратить территорию страны в одну из точек такого «горячего» столкновения ³.

С начала 2024 г. Казахстан стал позиционировать себя в качестве «средней державы». Этот статус был озвучен «Фондом науки и политики» (Stiftung Wissenschaft und Politik / SWP), опубликовавшим аналитический сборник «Средние державы – важные акторы в международной политике», где Казахстан впервые включен в список мировых «средних держав». Данная публикация оказала влияние на самопозиционирование Республики Казахстан в системе современных международных отношений [12].

Важно понимать, что географически Астана зависима от хороших отношений с Москвой и Пекином больше, чем они от хороших отношений с Астаной. При этом Респуб-

лика Казахстан находится в геополитическом окружении государств, занимающих центральное место в системе стратегических вызовов и угроз для США, к числу которых относятся Китай, Россия, Иран и Афганистан. Напряжение в отношениях Вашингтона с Москвой, Пекином, Кабулом и Тегераном все еще не спадает.

В 2021 г. американцы фактически проиграли афганскую войну движению Талибан. Таким образом, находящийся под контролем талибов Афганистан стал частью геополитического расклада, в котором Астана должна маневрировать между развитием отношений с Кабулом и сохранением хороших отношений с Вашингтоном.

Можно по-разному относиться к внешней политике Ирана формата БРИКС, но факт, что Вашингтон сталкивается с сильным сопротивлением со стороны Ирана, можно считать бесспорным. Достаточно вспомнить, как Иран нанес ракетные удары по американским военным базам в Ираке ⁴ в начале 2020 г., однако Вашингтон проявил слабость и отсутствие решимости и не предпринял ответных военных мер. Прямые военные столкновения с Ираном в 2025 г. и начале 2026 г. не принесли Соединенным Штатам желанного решения вопроса по устранению регионального конкурента.

Геополитика Казахстана на американском и в целом западном векторе исходит исключительно из этих общемировых обстоятельств. Поэтому президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев высказывается за поиск дипломатических решений в конфликтах и отмену взаимных санкций: «Казахстан против санкционного противостояния, поскольку политически мотивированные ограничения отравляют общую атмосферу международных отношений и не способствуют развитию торгово-экономического сотрудничества между государствами. В то же время мы вынуждены учитывать санкционные ограничения в региональной политике. Считаю, что пришло время конструктивной дипломатии для поиска взаимоприемлемой формулы мира и сотрудничества» [8].

Сегодня уже стало очевидным, что глобальное противостояние Востока и Запада больно бьет по торговым связям, ставя под

вопрос прибылей от транспортировки казахстанских энергоресурсов в Европу и США. Поэтому актуализируется работа по созданию новой логистики, которая сможет обеспечить быструю и безопасную поставку казахстанской нефти в страны западного мира.

Можно сделать вывод, что внешнеполитическая стратегия Астаны на западном направлении должна включать в себя поиски вариантов максимальной диверсификации торговых потоков. Особую роль здесь необходимо отвести Азербайджану, через территорию которого Казахстан может транспортировать нефть в обход территории России. Особенности стратегическому значению Азербайджана придаст полноценное функционирование Зангезурского коридора. «Зангезурский коридор станет второй (после “Баку – Тбилиси – Карс”) транспортной артерией глобальных грузоперевозок в направлении “Восток – Запад” через Южный Кавказ. Прямые выгоды от его запуска получают Россия, Азербайджан, Армения, Иран и Турция, а также любые вне-региональные игроки, которым потребуется быстро и надежно доставить товары с восточного берега Каспия в Евросоюз и в обратном направлении» [19].

Сотрудничество с Вашингтоном может проходить по всему широкому спектру взаимодействия. 20 сентября 2023 г. в рамках формата C5+1 прошла встреча президента США Джоозефа Байдена с лидерами стран Центральной Азии. Говорили они практически обо всем, заявляя о необходимости укреплять стратегическое партнерство и в экономике, и в обеспечении безопасности. Важно отметить, что Казахстан так же, как и все страны региона, заинтересован в американских инвестициях. Кроме того, необходимо и дальше развивать сотрудничество в гуманитарной сфере. Еще Казахстан заинтересован в поддержке со стороны США имиджевых проектов, таких как создание в городе Алматы Регионального центра ООН по целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана.

В свою очередь Астана рассматривала отношения с Соединенными Штатами и Евросоюзом в качестве стратегического направления своей внешней политики, не забывая играть «собственную игру» в отношениях с Вашингтоном. Мурат Лаумулин по этому по-

воду отмечал: «Казахстан располагал некоторым ресурсом для политического маневра в своих отношениях с США. Этот ресурс ему давало наличие советского ядерного оружия на казахстанской территории, в уничтожении которого кровно были заинтересованы США. Так, на Каспий пришел “Шеврон”, а затем другие западные и транснациональные компании. Эти события имели серьезные геополитические последствия» [10].

Исходя из сложного взаимодействия Казахстана со странами западного мира в непростых условиях можно выделить ряд направлений их внешней политики в отношениях с Казахстаном. Европа и США нуждаются в казахстанских ресурсах, поэтому будут поддерживать диверсификацию их поставок. Приоритетом западной политики в отношении Астаны будет оставаться попытка способствовать разрыву всех видов сотрудничества Астаны с Москвой и Пекином.

Для реализации этой цели западные партнеры должны будут предложить расширение сотрудничества с Казахстаном и подкрепить свое видение увеличением инвестиций в казахстанскую экономику. Развитие многостороннего сотрудничества с Казахстаном, безусловно, потребует информационного сопровождения со стороны известных западных СМИ, которые продолжают работать над формированием негативного образа России и Китая.

После инаугурации Дональда Трампа, который вновь стал Президентом Америки, возможно лишь смещение акцентов американской политики в отношении региона. Например, основной целью информационной войны может стать политика Китая в Центральной Азии. Новая администрация, пришедшая в Белый дом уже в феврале 2025 г., продемонстрировала готовность обсуждать с Россией круг вопросов⁵, связанных с глобальной безопасностью. Однако говорить о завершении гибридной войны на данный момент преждевременно в силу стремления западных элит закрепить за собой глобальное доминирование. На практике это означает, что Астана будет и дальше сохранять многовекторный курс внешней политики.

Российский вектор внешней политики Казахстана. Второй президент Казахстана в своем труде «Дипломатия Республики

Казахстан», изданном в 2001 г., подводя итоги первому десятилетию развития дипломатических отношений с Россией, отмечает: «Благодаря кропотливой дипломатической работе, подкрепленной встречами и контактами высших руководителей, Казахстан и Россия создали беспрецедентный потенциал взаимовыгодного сотрудничества и вошли в XXI век стратегическими союзниками, которые объединены узами вечной дружбы. Это в высшей степени важно для будущего сосуществования народов двух государств» [25].

Сотрудничество Казахстана с Россией является объективной необходимостью. Это сотрудничество многогранно и проходит в разных областях. В числе приоритетных сфер сотрудничества можно выделить две основные, которые являются первостепенными, и от эффективности и качества сотрудничества в этих сферах во многом зависит качество устойчивого и поступательного развития Казахстана.

К таковым относятся:

1. Сотрудничество в экономической сфере, включающее в себя самые разные направления. Важную роль играет рост товарооборота между странами, а также то, что Казахстан использует инфраструктуру, расположенную на территории Российской Федерации для транзита энергоресурсов в Европу. Россия открывает для Казахстана возможность использовать трубопровод и порты для реализации экспортного потенциала. «Общий товарооборот с Россией за пять месяцев 2023 г. достиг \$10,5 млрд (\$9,59 в аналогичный период 2022 г.). Доля России в товарообороте Казахстана выросла с 18,6 до 18,8 %. В целом в январе – мае 2023 г. товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС вырос на 10,5 % до \$11,43 млрд (\$10,34 млрд за пять месяцев 2022 г.)» [9].

2. Сфера обеспечения безопасности включает в себя сотрудничество как по линии ОДКБ, так и двустороннее взаимодействие на уровне министерств обороны и специальных служб. Несмотря на сложную международную обстановку, Москва остается важным и во многом не заменимым партнером. «Президент К.-Ж. Токаев, еще до занятия поста президента Казахстана заявлял, что Казахстан и Россия являются союзниками» [23].

После событий 2014 г., связанных с присоединением Крыма к России и с тем, что начались боевые действия на Донбассе, отношения граждан Казахстана к России стало меняться. В 2022 г., после начала боевых действий на территории Украины, политическое руководство Казахстана оказалось в очень сложной геополитической ситуации. С одной стороны, Астана связана интеграционными процессами с Москвой, с другой стороны, фактически начавшаяся гибридная война России и Китая против глобального Запада в силу объективных причин несет серьезные риски для Казахстана.

Современные геополитические реалии таковы, что внешнюю политику России в отношении стран, расположенных на евразийском континенте, необходимо рассматривать в контексте борьбы с коллективным Западом. Особенно остро эта специфика стала проявляться после знаменитой «Мюнхенской речи» Владимира Путина, которая содержала вызов проамериканскому миропорядку. Известный казахстанский политолог Б.К. Султанов в одной из своих публикаций отмечает: «Так, тогдашний государственный секретарь США Х. Клинтон заявила о том, что американские власти намерены помешать созданию новой версии Советского Союза и найдут эффективный способ для замедления или предотвращения этого процесса. Неудивительно что западные эксперты стали рассматривать евразийский проект как попытку ресоветизации на пространстве новых независимых государств» [23].

Противодействие сотрудничеству Казахстана с Россией наиболее остро проявляется в информационном поле. В казахстанском дискурсе появились ярко выраженные антироссийские нарративы, которые массово распространяются в социальных сетях и тем самым создают рычаг давления на политическое руководство страны с целью затормозить или вовсе пересмотреть реализацию вектора внешней политики на российском треке. Кроме того, казахстанское руководство рискует столкнуться с применением экономических санкций в отношении Казахстана за сам факт развития сотрудничества с Россией. Объективная реальность глобальной гибридной войны заставляет Астану встать перед сложным внешнеполитическим выбором.

Если делать этот выбор исходя исключительно из экономических потребностей и потребности в обеспечении безопасности, то этот выбор кажется не таким уж и сложным. Казахстан имеет самую протяженную в мире сухопутную границу с Российской Федерацией. Гипотетический конфликт с Россией может нанести Казахстану значительный ущерб, даже если это будет конфликт чисто экономический, без использования военной силы.

Сегодня ни одна страна не способна предложить Астане реальную альтернативу экономическому сотрудничеству с Москвой. «Для Казахстана и России – единственных в мире стран, у которых совместная граница составляет почти семь тысяч километров, интеграция нашла отражение в формировании транзитного коридора Европа – Западный Китай, проходящего от Санкт-Петербурга через Казань, Оренбург, Актюбинск и Алматы до границ с КНР, и серьезно укрепляет не только транспортную инфраструктуру России и Казахстана, но и обеспечивает более выгодные маршруты между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой» [28].

Даже с учетом всей сложности современных международных отношений, допущения о выходе из совместных с Москвой интеграционных форматов оставляют без ответа вопросы о путях транспортировки нефти из Казахстана в страны Европейского союза и вопрос обеспечения безопасности страны. Потому что при всех своих недостатках, членство Астаны в Евразийском экономическом союзе способствует экономическому развитию Казахстана, а союзники по формату ОДКБ сыграли главную роль в стабилизации внутриполитической ситуации в Казахстане во время январских событий 2022 года.

Для формирования транзитных коридоров, которые могли бы стать альтернативой российскому транзиту, необходимо будет потратить время и вложить в эти проекты финансовые ресурсы. Однако ухудшение геополитической обстановки в современных условиях этому явно не способствует. Несмотря на то что в 2023 г. Азербайджан смог восстановить свою территориальную целостность, вопросы обеспечения безопасности на Кавказе еще остаются актуальными. Сухопутные торговые маршруты в регионе все еще не

функционируют в полном объеме в силу неурегулированности отношений Баку с Ереваном. Использование транзита через территорию Ирана тоже не является безопасным в силу того, что Тегеран находится под международным давлением и на данный момент времени нельзя исключать вариант дестабилизации Ирана. У Ирана очень много врагов, которые не скрывают своих намерений по дестабилизации обстановки в этой стране. Кроме того, нельзя исключать военного конфликта с участием Ирана. Несмотря на глобальный контекст, Москва все еще остается первоочередным и ключевым стратегическим партнером для Астаны. Транзит энергоресурсов через российскую территорию все еще остается прибыльным.

Подводя итог описанию сотрудничества Казахстана с Россией, необходимо отметить объективные обстоятельства, стимулирующие двусторонние отношения. Членство в Евразийском экономическом союзе и Организации Договора о коллективной безопасности, возглавляемой Россией, показывает, что геополитическая ориентация Астаны прекрасно коррелирует с ее геополитическим положением [27]. Практическая реализация внешней политики Казахстана показывает зависимость экономики страны от хороших экономических отношений с Россией. На текущий момент отсутствуют серьезные основания для того, чтобы подвергнуть сомнению сложившиеся в предыдущие годы партнерские отношения между странами. Даже принимая во внимание санкционную политику стран Запада, направленную против России, есть все основания утверждать, что партнерские отношения между Астаной и Москвой как минимум сохранятся, а как максимум будут развиваться в позитивном ключе.

На данный момент времени отсутствуют какие-либо основания для того, чтобы казахстанско-российские отношения деградировали. Вне зависимости от того, кому конкретно будет принадлежать власть в Казахстане, всегда будут сохраняться два объективных фактора, выступающих в качестве катализатора сотрудничества. Первый фактор – это протяженная общая граница. Этот фактор стимулирует сотрудничество двух стран в сфере безопасности и полномасштабного пригранич-

ного сотрудничества. Второй фактор – это фактор экономической взаимозависимости, выступающий катализатором в развитии сотрудничества двух стран. Таким образом, при любых внешних геополитических и геоэкономических потрясениях, стороны находят пути и механизмы для реализации партнерского взаимодействия.

Китайский вектор внешней политики Казахстана. Казахстан занимает ключевое место в геополитике Китая, потому что открывает восточному соседу выход на транспортные коридоры через Каспийский регион. Кроме того, территория Казахстана богата энергоресурсами. Развивая торговые отношения с Казахстаном, Китай укрепляет свою энергетическую безопасность на тот случай, если в современных геополитических реалиях доставка грузов в Китай по морю окажется под вопросом.

18 октября 2023 г. Касым-Жомарт Токаев принял участие в церемонии открытия III Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь». В своем выступлении К.-Ж. Токаев подчеркнул, что «...сейчас около 85 процентов всех наземных транзитных перевозок из Китая в Европу приходится на Казахстан. Придавая большое значение развитию транзитно-транспортной отрасли, за последние 15 лет мы направили на эти цели свыше 35 миллиардов долларов. Запущены такие крупные инфраструктурные проекты, как казахско-китайский логистический центр в Ляньюньгане, сухой порт “Хоргос”, транзитная магистраль Западная Европа – Западный Китай, железнодорожный коридор из Китая в Иран» [19].

Казахстану жизненно необходимо развивать торговое сотрудничество с Китаем, потому что главным итогом этого сотрудничества является экономический рост. В январе 2023 г. на сайте Посольства Республики Казахстан в Китайской Народной Республике опубликовано короткое сообщение с цифрами роста товарооборота с Китаем за 2022 год. В сообщении отмечается также, что «...по итогам года товарооборот между РК и КНР достиг рекордных 31,2 млрд долларов. Высокая динамика роста взаимной торговли в 23,6 % в годовом исчислении в основном достигнута за счет увеличения поставок Казахстаном в Китай сельскохозяйственной продук-

ции на 133,7 %, сырьевых энергетических продуктов – 58 %, химической продукции – 25,2 %. В свою очередь, Казахстан увеличил на 45 % импорт из Китая пластмассы и каучука, на 23,4 % текстиля и текстильных изделий и на 21,4 % машин и оборудования» [16].

Если к этим цифрам добавить транзитный потенциал и ресурсные возможности Казахстана, то можно констатировать, что Астана является главным геополитическим партнером Китая в Центральной Азии. Это косвенно подтверждается символическим церемониалом III Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь», где Президенту Казахстана отводилась одна из центральных ролей.

Для Казахстана Китай является приоритетным торговым партнером по самым разным причинам. Современный Китай – передовая держава, обладающая высоким потенциалом в науке, транспорте, инфраструктурном развитии и развитии информационных технологий. Индустриальная мощь второй (по некоторым показателям и первой) экономики мира позволяет Пекину конкурировать с Вашингтоном за право возглавить глобализацию. И сотрудничество с Китаем имеет не только большое количество плюсов, но и огромный потенциал для дальнейшего развития.

Потенциальное развитие кризиса вокруг Израиля, который обострился в октябре 2023 г., ставит под угрозу стабильность цен на энергоресурсы и безопасность доставки грузов из стран Ближнего Востока в Китай. Эти риски служат дополнительной мотивацией для китайского руководства развивать сотрудничество с Казахстаном, территория которого по-прежнему остается безопасным местом для добычи ресурсов, транспортировки грузов и ведения бизнеса.

Пекин оказывает Астане поддержку, выходящую за рамки торгового сотрудничества между соседями, способствуя продвижению интересов Астаны на глобальном уровне. Как отмечает политолог и китаевед Адиль Каукенов: «Новым доказательством высокого уровня политического доверия между нашими государствами стало предложение Пекина выдвинуть Казахстан в число полноценных членов, участвующих в работе одного из крупнейших мировых объединений БРИКС+,

куда входят пять стран – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. Это весьма серьезная заявка, ведь данную организацию называют достойным конкурентом таких глобальных клубов, как G7 и G20, но уже с учетом новых растущих экономик и новой расстановки сил на мировой арене. А то, что Казахстан выдвигается при поддержке второй экономики мира, придает его участию в БРИКС+ весомый кредит доверия» [5].

Руководство Китая выстраивает доверительные партнерские отношения в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь». От реализации данной инициативы и от количества участников зависит финансовая прибыль китайских компаний и количество доходов в китайский бюджет. Любая конфронтация с участием Китая может поставить под сомнение репутацию страны и эффективность реализации этой инициативы. Следовательно, Китай не заинтересован в проявлении агрессии и участии в любой конфронтации с соседями, потому что придется терпеть убытки. Китай заинтересован в развитии равноправного и взаимовыгодного партнерства, которое будет служить лучшим гарантом безопасности мира и стабильности в Центральной Азии.

Поэтому Пекин может рассматриваться Казахстаном только в качестве надежного партнера, сотрудничество с которым принесит финансовую прибыль. Эта точка зрения проявляется в академических работах и официальной позиции Китая. Ряд исследователей отмечают, что китайско-казахстанское сотрудничество развивается преимущественно на основе прагматичного и взаимовыгодного партнерства. Как подчеркивают Гуань Лим и Николай Мурашкин, Казахстану удастся сохранять собственный суверенитет и многовекторный внешнеполитический курс несмотря на активное экономическое взаимодействие с КНР [13]. Данный подход находит подтверждение и в официальной позиции Пекина. В ходе государственного визита в Астану в сентябре 2022 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что Китай поддерживает государства Центральной Азии в обеспечении политической безопасности и социальной стабильности, а также выступает за укрепление регионального сотрудничества и совместное противо-

действие внешнему вмешательству во внутренние дела стран региона [14].

Во время своего визита в Казахстан в июле 2024 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что двусторонние отношения продолжают устойчиво развиваться, базируясь на основных важных принципах: взаимного уважения, добрососедства, взаимовыручки и обоюдной выгоды. Основными перспективами будущего сотрудничества является сфера высоких технологий: новые источники энергии, цифровая экономика, ИИ, трансграничная электронная коммерция, авиация и космос [16].

Если говорить о политическом векторе, то Китай остается верен своей многолетней стратегии мультилатерализма, то есть организации международных внешнеэкономических отношений, основанных на механизмах, позволяющих каждой стране пользоваться привилегиями в отношениях со всеми партнерами. В этой связи следует говорить о стратегическом партнерстве Казахстана и Китая, которые стремятся продвигать равноправную и упорядоченную многополярность мира. Китай выступает в качестве лидера этого процесса, а Казахстан как «средняя держава» поддерживает данную тенденцию по построению нового миропорядка [20].

Результаты. Исходя из проведенного анализа можно констатировать, что в современных геополитических условиях именно контекст глобальной гибридной войны определяет внешнюю политику Казахстана, не меняя ее многовекторную сущность. Страх перед санкциями стимулирует переговорный процесс по созданию новых механизмов торговли с соседями и поиску более совершенных механизмов обеспечения безопасности. Казахстанская дипломатия и бизнес приспособляются под новые реалии. Однако можно констатировать и то, что курс многовекторной внешней политики остается прежним.

Мы приходим к главному выводу о том, что концепция многовекторной политики Казахстана остается актуальной. Контекст глобальной гибридной войны не влияет на географию. Для понимания реалий внешней политики Казахстана необходимо исходить из его географического расположения и наличия у страны тех или иных ресурсов. Казахстан обладает большой территорией (2,724,900 км²) при срав-

нительно небольшой численности населения (19 921 425 человек по данным на 1 августа 2023 г.)⁶. Эти цифры говорят о недостаточном мобилизационном потенциале для реагирования на весь комплекс гипотетических угроз независимости и территориальной целостности.

Для усиления своих переговорных позиций с различными центрами силы Астана активно поддерживает различные форматы переговоров по формуле «С+». Как отметил Токаев в своей статье: «К настоящему времени состоялось девять саммитов и встреч на высшем уровне в данном формате. За последние два года проведены первые саммиты “ЦА – РФ” (Астана), “ЦА – КНР” (Сиань), “ЦА – США” (Нью-Йорк), “ЦА – ФРГ” (Берлин), две встречи глав государств ЦА и Европейского союза (Астана, Чолпон-Ата), первый саммит “ЦА – ССАГЗ” (Джидда), а также “ЦА – Индия” (в онлайн-формате)» (см.: Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии...).

Преимущество многовекторного курса внешней политики Казахстана на современном этапе в том, что он позволяет адаптироваться к условиям переформатирования мирового порядка, оставляя за Казахстаном и статус ключевой транзитной точки в регионе,

и возможность усиливать свое влияние на безопасность региона. Астана будет и дальше сохранять многовекторный курс внешней политики, потому что это полностью отвечает национальным интересам Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Southeast Asia Collective Defense Treaty. Военно-политический блок стран Азиатско-Тихоокеанского региона, существовавший в 1955–1977 годах.

² Australia, New Zealand, United Kingdom. Блок стран, существовавший в 1971–1975 гг. в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

³ События начала января 2022 г., когда протесты в Казахстане переросли в массовые беспорядки.

⁴ Иран нанес удары по двум военным базам, где размещается военный и коалиционный персонал США в Асаде и Эрбиле, 8 января 2020 г. в ответ на убийство в Багдаде командующего спецподразделением «Аль-Кудс» генерала Касема Сулеймани.

⁵ 18 февраля 2025 г. в Саудовской Аравии прошли первые за несколько лет переговоры России и США на высоком уровне.

⁶ Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru>

REFERENCES

1. Bastas Y.N. *The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy. Master Thesis*. Oslo, University of Oslo, 2013. 68 p.
2. Chernoperov V.L., Sulemanova U.I. Gibrindnaja vojna: predposylki pojavlenija, kontseptsii, sushchnost, tseli, instrumentarij, pravovye voprosy, riski [Hybrid War: Background of Emergence, Concepts, Essence, Goals, Tools, Legal Issues and Risks]. *Noosfernyje issledovanija* [Noospheric Studies], 2021, vol. 3, pp. 33–46. DOI: 10.46724/NOOS.2021.3.33-46
3. Gönültaş. Zhiznesposobnost novogo transportnogo koridora cherez Indiju pod somnenijem [The Viability of the New Transport Corridor through India Is in Doubt]. *Anadolu Ajansı*. URL: <https://www.aa.com.tr/ru>
4. Hanks R.R. “Multi-Vector Politics” and Kazakhstan’s Emerging Role as a Geo-Strategic Player in Central Asia. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2009, vol. 11, no. 3, pp. 257–267. DOI: 10.1080/19448950903152110
5. Isabaeva S. Chto zhdet Kitaj i kakimi budut jego otnosheniya s Kazakhstanom? [What Awaits China and What Will Its Relations with Kazakhstan Be Like?]. *QMonitor*. URL: <https://qmonitor.kz/politics/4586>
6. Kurmanguzhin R. *Istorija nezavisimogo Kazakhstana: vneshnjaja politika* [History of Independent Kazakhstan: Foreign Policy]. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2022. 304 p.
7. Kucherov M.Y., Vokhmintsev I.V., Kravchuk I.D., Andriukhin V.Y., Fedotov M.A., Tokarev A.A. Vneshnepoliticheskiye preferentsii Kazakhstana posle 2022 g. [Foreign Policy Preferences of Kazakhstan After 2022]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2023, vol. 16, no. 4, pp. 72–90. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-4-91-72-90
8. Kasym-Zhomart Tokajev prinjal uchastije vo vstreche glav gosudarstv Tsentralnoj Azii s Kantslerom Germanii Olafom Sholtsem [Kasym-Jomart Tokayev Took Part in the Meeting of the Heads of Central Asian States with German Chancellor Olaf Scholz]. *Official Website of the President of the Republic of Kazakhstan*. URL: <https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokajev-prinyal-uchastie-vo-vstreche-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-s-kanclerom-germanii-olafom-sholcem-298754>

9. Lakstygai I. Kazakhstan narastil eksport tovarov v Rossiju na 45 % v denezhnom vyrazhenii [Kazakhstan Increased Exports of Goods to Russia by 45% in Monetary Terms]. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/14/985425-kazakhstan-narastil-rossiyu>
10. Laumulin M.T. *Kazakhstan v sovremennom mire: vneshnjaja politika mnogovektornosti* [Kazakhstan in the Contemporary World: A Multivector Foreign Policy]. Astana; Almaty, IMJeP pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2014. 272 p.
11. Libicki M.C. A Ten-Year Rule for Defense Planning. *Orbis*, 2001, vol. 45, no. 3, pp. 387-399.
12. Lippert B., Mair S. *Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik*. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/mittlere-maechte-einflussreiche-akteure-in-der-internationalen-politik>
13. Lim G., Tjia L.Y., Murashkin N. Opportunities and Challenges of China's Economic Ties with Kazakhstan: Looking Back to Look Forward. *The Chinese Economy*, 2025, vol. 58, no. 1, pp. 127-140. DOI: 10.1080/10971475.2024.2373643
14. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. President Xi Jinping Makes a State Visit to the Republic of Kazakhstan*. URL: https://www.mfa.gov.cn/mfa_eng/zy/jj/2022/cxshgsfwhw/202209/t20220915_10766191.html
15. Mosjakov D.V. New Military Bloc – New Threats to Peace and Security in Asia. *Jugo-Vostochnaja Azija: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Current Problems of Development], 2021, vol. III, no. 3 (52), pp. 5-17. DOI: 10.31696/2072-8271-2021-3-3-52-005-017
16. Objem vzaimnoj trgovli mezhd Kazakhstanom i Kitajem bjet istoricheskije rekordy [The Volume of Trade between Kazakhstan and China Is Breaking Historical Records]. *Posolstvo Respubliki Kazakhstan v Kitajskoj Narodnoj Respublike* [Embassy of the Republic of Kazakhstan in the People's Republic of China]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-beijing/press/news/details/492232?lang=ru>
17. Ospanov N.M. Teorija politicheskogo realizma v mezhdunarodnykh otnoshenijakh [Theory of Political Realism in International Relations]. *Vestnik KazNU. Serija mezhdunarodnyje otnoshenija i mezhdunarodnoje pravo* [KazNU Bulletin. Series of International Relations and International Law], 2015, vol. 69, no. 1, pp. 94-112.
18. Patrushev i Van I otmetili opasnost sozdaniya v ATR blokov i linij SShA [Patrushev and Wang Yi Noted the Danger of Creating US Blocs and Dividing Lines in the Asia-Pacific Region]. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20230919/atr-1897234665.html>
19. Petrov A. Zangezurskij koridor – chto eto takoe i zachem on nuzhen? [The Zangezur Corridor: What Is It and Why Is It Needed?]. *Vestnik Kavkaza*. URL: <https://vestnikavkaza.ru/articles/zangezurskij-koridor-cto-eto-takoe-i-zacem-on-nuzhen.html>
20. Starr S.F., Cornell S.E. *Strong and Unique: The U.S.-Kazakhstan Partnership Over Three Decades*. Washington, DC; Stockholm, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2021. 236 p.
21. Sultanov B.K. Kazakhstan and China: Close Neighbors, Reliable Friends and Strategic Partners. *30 Years of Diplomatic Relations between Kazakhstan and China: From Establishment to Strategic Partnership*. Almaty, NIIMiRS, 2022, pp. 18-35.
22. Sultanov B.K. Kazakhstansko-rossijskije otnoshenija vo vneshnepoliticheskoy strategii Prezidenta Kazakhstana K.-Zh. Tokajeva [Kazakh-Russian Relations in the Foreign Policy Strategy of President K.-Zh. Tokayev of Kazakhstan]. *Rossija i novyje gosudarstva Jevrazii* [Russia and the New States of Eurasia], 2020, no. 2, pp. 58-68. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-58-68
23. Sultanov B.K. B. Sultanov o jevrazijskoj integracii: «Puteshestviye v tysjachu li...» [B. Sultanov on Eurasian Integration: "A Journey of a Thousand Li..."]. Sultanov B.K. *Vneshnjaja politika Kazakhstana: ot Pervoj ko Vtoroj Respublike* [Kazakhstan's Foreign Policy: From the First to the Second Republic]. Almaty, Ekspertnyj klub «Odin pojas i odin put», 2022, pp. 7-23.
24. Taleb N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York, Random House, 2007. 400 p.
25. Tokaev K. *Diplomatija Respubliki Kazakhstan* [Diplomacy of the Republic of Kazakhstan]. Astana, Elorda, 2001. 552 p.
26. Tukumov Y. President Tokayev's Reforms and Diplomacy. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 5, pp. 91-105. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-5-91-105
27. Volovoj V., Ivanov I. Geopolitics of Kazakhstan: Theory and Practice. *The Russian Academic Journal*, 2014, vol. 29, no. 3, pp. 26-31.
28. Zakijeva Zh.K. Jevrazijskaja ekonomicheskaja integracija: transkontinentalnyje koridory sotrudnichestva [Eurasian Economic Integration: Transcontinental Corridors of Cooperation]. *Integracionnyje processy v jevrazijskom prostranstve i sovremennij mir* [Integration Processes in the Eurasian Space and the Contemporary World]. Almaty, Kazakhstan. in-t strateg. issled. pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2013, pp. 61-71.

Information About the Authors

Igor P. Ivanov, Political Scientist, PhD Doctoral Candidate, Kazy Dikambayev Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Erkindik Boulevard 36, 720040 Bishkek, Kyrgyz Republic, ivanov@dku.kz, <https://orcid.org/0009-0009-7558-9052>

Svetlana Yu. Petrenko, Candidate of Sciences (Politics), Political Scientist, Academy of Quantum Psychotechnologies, Orbita-3-26-83 Microdistrict, 050043 Almaty, Republic of Kazakhstan, petrenko@dku.kz, <https://orcid.org/0009-0006-2635-3092>

Информация об авторах

Игорь Павлович Иванов, политолог, PhD-докторант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева, бульвар Эркиндик, 36, 720040 г. Бишкек, Кыргызская Республика, ivanov@dku.kz, <https://orcid.org/0009-0009-7558-9052>

Светлана Юрьевна Петренко, кандидат политических наук, политолог, Академия квантовых психотехнологий, мкр. Орбита-3-26-83, 050043 г. Алматы, Республика Казахстан, petrenko@dku.kz, <https://orcid.org/0009-0006-2635-3092>